

РОБЕРТ ОУЭН И ЗАРОЖДЕНИЕ ДОКТРИН КООПЕРАТИВИЗМА

Аннотация

В статье дан краткий обзор истории зарождения кооперативистской идеологии и влияния на этот процесс социалистической доктрины Роберта Оуэна.

Ключевые слова: кооперация, Роберт Оуэн, Уильям Кинг, рабочее движение, доктрины социализма, кооперативные эксперименты в Британии.

Автор

Андерсон Кирилл Михайлович

Доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва, Россия)

История кооперации относится к сюжетам, подверженным эпизодическим всплескам интереса и долгим периодам полузабвения. Первая волна исследований¹, зародившаяся в конце 1860-х гг. в Британии и вскоре перекинувшаяся на континент, улеглась в конце 1880-х гг. [1, 2, 3]. Вновь кооперация овладела вниманием ученого сообщества в 1910–1920-е гг., причем на этот раз центром «кооперативоведения» стала Россия [4, 5, 6, 7, 8]. На протяжении следующих десятилетий историография кооперации существовала как периферийное направление, представленное редкими публикациями разного достоинства [9, 10].

Некоторое пренебрежение к истории кооперации может вызывать недоумение, поскольку само это явление и связанные с ним экономические институты и общественные организации отнюдь не отмерли, а напротив, стали неперенным, зачастую весьма заметным элементом политической жизни многих стран. Вероятно, причины следует искать не в самой при-

роде кооперации, а в особенностях ее историографии.

Ее подъемы приходятся на годы наиболее оживленных дебатов о сущности и социальном предназначении кооперации, которые вели между собой политические партии и организации различной, но в подавляющем большинстве случаев социалистической ориентации. Кооперация, развивавшаяся быстрыми темпами с 1820-х гг., была сугубо «рабочим делом» и кооперативные товарищества представляли собой объединения, поддержка которых могла серьезно укрепить позиции того или иного политического течения в рабочем движении. Полемика революционно настроенного Эрнста Джонса с чартистами умеренного толка, которую он вел не без помощи Маркса [11]; споры между марксистами, принадлежавшими к разным полюсам социал-демократии Германии, Британии и Франции; между эсерами, трудовиками, эсдеками и иными левыми партиями России — все эти дискуссии о кооперации, в той или иной мере затрагивали прошлое. Политическая интерпретация «истинных» целей и задач современной кооперации неизменно окрашивала в

¹ Значительное число работ выходило в виде памфлетов, журнальных и газетных статей.

соответствующие партийные цвета ее историю, которая оказывалась своего рода довеском к публицистике. Даже работы, внешне способные претендовать на «академизм» и фундаментальность (например, двухтомная «История кооперации» Дж. Холиока [12], охватывающая период от античности до конца XIX в.), скорее, похожи на исторические комментарии к наиновейшим политическим доктринам.

Собственно, нечто подобное свойственно традиционной историографии рабочего движения в целом. На протяжении десятилетий, начиная с середины XIX в., рабочей историей занимались преимущественно активисты или деятельные сторонники массовых рабочих движений (С. и Б. Уэббы, Дж. Коул, Э. Доллеан, Ф. Меринг, К. Каутский и др.). Чрезмерная политизация исследований, равнение на партийные догматы неизбежно вели к предопределенности оценок и суждений, что, в свою очередь, влекло за собой если не подтасовку фактов, то, по крайней мере, предвзятый отбор источников. Этому недугу была подвержена и западная, и отечественная, особенно послереволюционная историография (последняя в весьма тяжелой форме).

Симптомы «предвзятости» зримо различимы в истории изучения кооперации. Так, в работах авторов, не слишком симпатизирующих радикальным политическим устремлениям, социалисты, сыгравшие значительную роль в становлении кооперативных организаций минувшего века (Оуэн, Фурье и т.д.), предстают, скорее, злыми гениями, вопреки проискам которых развивалась кооперация. В исследованиях «прогрессивных» историков они же предстают родоначальниками или покровителями кооперации. Одни и те же кооперативные эксперименты и начинания истолковываются то как явно антисоциалистические, то как предсоциалистические, то как истинно социалистические и т.д., в зависимости от идеологической принадлежности

историка¹. Вероятно, не без оснований можно утверждать, что литература, посвященная истории кооперации (за очень редкими исключениями) относится, скорее, не к историографии, а к источникам по истории кооперативных теорий². Но тем не менее столь солидные разночтения одной истории, обилие взаимоисключающих суждений об одном и том же предмете наводят на мысль о том, что, быть может, само его существо позволяет трактовать его почти произвольно?

Как бы не именовали профессиональные союзы — тред-юнионами, синдикатами или иначе, каждому ясно, о чем идет речь. Иное дело — «кооперация», понятие, наделенное широчайшим диапазоном значений, от «сотрудничества» в самом общем смысле этого слова до конкретных форм потребительских, производственных, жилищных, садовых и прочих товариществ. Переступить грань между абстрактной «кооперацией-сотрудничеством» и кооперацией «овеществленной», обнаружить в кооперативных обществах отражение почти вселенского императива можно легко и даже произвольно. Подобное смешение

¹ К примеру, ортодоксальные советские историки-марксисты (В. Волгин, Е. Застенкер и др.), ссылаясь на самого Маркса, относили Оуэна к «предшественникам научного коммунизма», а фабианцы (Б. Уэбб) причисляли его к «основоположникам» английской версии социализма, противоположной марксизму и опирающейся на тред-юнионы и кооперацию (см.: Уэбб Б. Кооперативное движение в Англии. — М., 1908).

² Спад интереса к прошлому кооперации, о котором говорилось выше, связан с наступившим затишьем в борьбе за политическое влияние на нее. Кооперативные товарищества стали неотъемлемой частью инфраструктуры современного общества, отстаивающей свои интересы, скорее, методами, используемыми промышленными компаниями, нежели при помощи массовых движений рабочих, которые и сами пошли на убыль. Интеграция рабочих организаций в политическую и экономическую систему капитализма, тоже претерпевшего изменения по сравнению с XIX — началом XX в., повлияла и на общую направленность и методологию рабочей и социальной истории в целом.

философской и, по сути, экономической категорий характерно не только для партийных идеологий кооперации и историографии, но и для самого процесса развития кооперативных объединений и сопутствующих ему теорий. Постараюсь показать это на примере концепций «кооперативного труда», имевших хождение в XIX в. Но для этого придется обратиться ко времени, когда слово «кооперация» перешло из языка обывочного в политический лексикон.

Этим событием мы обязаны Роберту Оуэну, английскому социалисту позапрошлого века, за которым утвердилась слава «родоначальника кооперации» [13, 14], оспариваемая, впрочем, многими [15, 16]. Жизнь и учение Оуэна были темой немало числа весьма добротных исследований¹, что позволяет лишь вкратце напомнить о сути его доктрины.

«Характер человека формируется не им самим», — таково исходное и важнейшее положение оуэновской теории, которую сам он именовал «новой наукой о человеке» [17 — С. 133]. Этот тезис, по духу близкий к просветительскому постулату «человек — продукт обстоятельств», позволял возложить всю вину за царящее в мире невежество, пороки, злобу и несчастье на окружающую среду, которая у Оуэна предстает, скорее, социальной и экономической, а не политической, как у просветителей. Совершенные люди, а следовательно, идеальный или близкий к нему миропорядок могут появиться только в том случае, если существующий строй, повсеместно доказавший свою негодность², будет заменен иным,

отвечающим природе и подлинным интересам человека, которых он, к сожалению, пока не понимает. Люди ошибочно считают, будто в их бедах и напастях повинны их собратья, а потому они чувствуют себя окруженными недругами, от победы над которыми зависит их благополучие. Индивидуализм в самых худших его проявлениях и соперничество с себе подобными, доходящее до кровопролития, — это и есть образ жизни, навязанный безнравственным строем разобщенности, конкуренции и взаимной вражды. Разумный, справедливый и нравственный порядок должен основываться на принципах «единения и сотрудничества» [co-operation].

Убеждение в пагубности разобщения и противостояния социальных групп, во вреде ничем не ограниченной, свободной конкуренции во всех сферах жизни, в полной мере разделялось и Сен-Симоном, и Фурье, хотя, несомненно, они пришли к этому выводу совершенно независимо друг от друга, и от Оуэна, и их системы аргументации тоже отличались от оуэновской³. Тем не менее все трое выдвигали по сути одну и ту же альтернативу существующим порядкам: организацию социальных и экономических отношений на принципах, исключающих противоборство как индивидов, так и классов и утверждающих объединение их интересов и усилий в качестве первоосновы общества. «Ассоциация», «порядок согласованности», «социетарный мир» — эти термины из лексикона фурьеристов и сенсимонистов практически были синонимами оуэновского «строя сотрудничества» [co-operation].

¹ К новейшим и лучшим работам можно отнести: *Harrison J.F.C. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. Ld., 1969* (книга содержит самую полную библиографию оуэнизма); а также статьи И.Н. Неманова.

² Как и его современники — Сен-Симон и Фурье — Оуэн пренебрегал национальными особенностями, поскольку различия между странами, с его точки зрения, касались лишь политических институтов, а они не принимались им в расчет. Кроме того, для всех трех мыслителей мир, по

существу, ограничивался Европой и универсализм их программ был европоцентристским. Эта черта передалась и более поздним концепциям кооперации, большинство из которых в той или иной степени произошло из учений упомянутых «патриархов».

³ Если Оуэн опирался в основном на постулаты Просвещения, то Сен-Симон и Фурье создали собственные концепции философии истории, по своему духу более близкие к постпросветительским школам философии.

«Кооперация», т.е. «сотрудничество», таким образом, превращалась прежде всего в философскую категорию, всемирный закон, который должен неукоснительно соблюдаться в человеческом общежитии: и в повседневном межличностном общении, и в системе правления, и в хозяйственной жизни (не случайно и Оуэн, и Фурье, и Сен-Симон почти обожествляли Ньютона, а из закона всемирного тяготения выводили закон тяготения социального). Отдавая приоритет совокупным или совместным, усилиям и действиям всех социальных слоев и групп, он предполагал верховенство интересов и прав общества над частными амбициями и своекорыстной волей индивида. Разрозненная, не согласованная деятельность людей всегда чревата пагубными последствиями, но с воцарением машинного производства она, по убеждению и Оуэна, и Сен-Симона, и Фурье, могла обернуться вселенской катастрофой. Промышленная революция, современниками которой они были, наделила человечество дотоле немислимыми, поражающими воображение силами¹. Беда, с их точки зрения, заключалась в том, что неразумно устроенное общество было способно скорее нанести себе тяжелейшие увечья, невежественно и бездумно обращаясь с вновь обретенными орудиями, нежели употребить их себе во благо. Ничем не ограниченное право индивида использовать эти мощнейшие инструменты по своему собственному усмотрению является прямой и реальной угрозой праву общества на существование. Чтобы выжить, оно обязано покончить с принципом *«laissez-faire»*, прямым ведущим к анархии, и подчинить хозяйственную жизнь своему контролю и управлению. Разумеется,

¹ Психологический шок, вызванный появлением на свет таких детищ промышленной революции, как паровой двигатель, паровоз, локомобиль и т.д., прекрасно отражен не только в публицистике начала XIX в., но и в городском фольклоре: балладах, карикатурах и т.д.

для этого само общество должно быть преобразовано так, чтобы оно стало способно осуществить эту функцию. На смену системе индивидуализма и конкуренции должна прийти система социальной кооперации².

Идея упорядоченного производства, отвечающего как частным, так и общим «правильно понятым интересам», производства в буквальном смысле общественного, поскольку все без исключения индивиды выполняют в нем определенные «полезные» функции, родила доктрины Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Их часто объединяли, и не без оснований, в одно направление мысли, именовавшееся «коллективистским», или вслед за введенным Оуэном словом — «социалистическим», но к ним же нередко применяли и название «кооперативные» (в первую очередь, к учению Оуэна, который именовал свою программу «системой кооперации»).

В работах Оуэна (равно как Сен-Симона и Фурье) четко различимы разные уровни толкования слова «кооперация». *Философско-этическое прочтение*, утверждающее «природосообразность» и абсолютную, высшую моральную ценность социального сотрудничества в противоположность безнравственности и противоестественности розни и соперничества внутри рода человеческого. *Политэкономическое истолкование*, настаивавшее на социализации производства первоначально в масштабах одной или нескольких стран³, но со временем должной распространиться на весь

² В 1820-е гг. Оуэн именовал свою модель идеального общества «системой кооперации», в 1830-е гг. это название было постепенно вытеснено словом «социальная система», или «социализм», но суть оуэновской программы осталась по сути неизменной. Понятие «социализм» в первой половине прошлого века означал скорее антитезу индивидуализму, нежели конкретные «антикапиталистические» доктрины. См.: Андерсон К.М. Закабаление свободой, или Парадоксы XIX века // Наука и фантастика. М., 1993.

³ Если у Сен-Симона и отчасти Фурье речь шла преимущественно об общественном регу-

мир. И наконец, *конкретно-прикладное истолкование*, т.е. программа практического воплощения общетеоретических принципов. У Оуэна она воплотилась в проект «сельскохозяйственных и промышленных поселков единения и кооперации», или «общин», у Фурье — в модель «промышленных и сельскохозяйственных ассоциаций», иначе — «фаланг»¹. Первый уровень теоретизирования как бы устанавливал конечную цель преобразований, второй — определял стратегию ее достижения, а третий — тактические средства. С точки зрения основателей этих систем, ни один основной элемент их программ не мог существовать обособленно от других. «Каждая ее часть, — писал, к примеру Оуэн, — была спроектирована на основе простого общего принципа ... существует связь между отдельными частями, которую нельзя нарушить, не разрушив ценности этой новой духовной и физической комбинации»². Тем не менее, принадлежа к разным сферам знания, каждая из трех составных частей могла, при желании, восприниматься как вполне законченная и самодостаточная. К примеру, некоторые из причислявших себя к последователям Оуэна осуждали противоборство классов и ставили своей задачей содействие (сугубо педагогическими методами) достижению межклассового мира и партнерства, не касаясь ни политэкономических, ни тем более «общинных»

лировании хозяйственной деятельности, то Оуэн склонялся к жесткому ее обобществлению.

¹ Сен-Симон был одним из первых и немногих проповедников кардинального реформирования капиталистического общества, порвавших с «общинностроительскими» традициями, дотоле господствовавшими в конструировании идеальных моделей общественного устройства.

² Оуэн Р. Доклад графству Лэнарк // Оуэн Р. Избр. соч. — Т. 1. — С. 271. В этом отношении Фурье и Сен-Симон были чуть гибче Оуэна, однако и они не жаловали вольного толкования их учений, что было вполне естественно для людей, считавших себя первооткрывателями абсолютной и потому непрерываемой истины. Впрочем, на практике и Оуэн был не столь уж неуступчив к разночтениям.

разделов программы своего учителя³. Другие, напротив, памятуя о философских началах социальной кооперации, все же отдавали предпочтение практическим рекомендациям Оуэна. Иными словами, «кооперация» легко могла превратиться в хозяйственное начинание, не связанное ни с этическими, ни с политэкономическими доктринами, но столь же легко прозаическая, чисто производственная деятельность могла быть «офилософствована» и возведена в ранг героического деяния.

Разработанный Оуэном план практического переустройства общества сочетал все три уровня кооперации. Будущая Британия (а за ней и весь мир) представлялась ему конфедерацией автономных «поселков кооперации», основанных на принципах «объединения труда, расходов и собственности» [18. — С. 216]. Общинники обитали бы в своего рода усадьбах, оборудованных в соответствии с новейшими достижениями городской бытовой техники; они чередовали бы занятия умственным, промышленно-ремесленным и земледельческим трудом (к чему они были бы подготовлены системой воспитания и обучения); произведенные продукты распределялись бы между ними сообразно трудовому вкладу каждого или обменивались на продукцию других общин. Схема управления поселком, предложенная Оуэном, была довольно сложной⁴, но тем не менее она основывалась на свободном самоуправлении. Производство должно

³ Всегда были и неминуемо будут различия между идеями основоположников философских или социально-экономических учений, как, впрочем, и религий, и последующими их интерпретациями даже самыми ортодоксальными учениками. К примеру, теория Маркса имеет мало общего со многими течениями марксизма, равно как и учение Христа по-своему истолковывается многочисленными и зачастую враждующими христианскими конфессиями.

⁴ Чтобы избежать соперничества, неизбежно связанного с выборами, Оуэн предлагал распределить управленческие обязанности между разными возрастными группами.

было обеспечить полное удовлетворение «разумных потребностей» и, хотя излишек непременно образовывался бы (благодаря новейшей технике, прекрасной профессиональной подготовке, а главное — заинтересованности общинников в продуктивности своего труда), расширенное воспроизводство не являлось самоцелью. Поселок должен был быть прежде всего «самообеспечивающимся», а потому неподвластным любым экономическим катаклизмам, приключаящимся за его стенами.

Совместное производство и потребление, организация труда, исключаящая его жесткое и потому дисгармоничное разделение, совместное владение и распоряжение общей собственностью должны были, по мысли Оуэна, произвести величайшую революцию в умах и душах людей. «Сердце человека, — писал Оуэн, — будет открыто всем другим людям, а рука будет готова оказать им помощь, независимо от их секты, класса, партии, страны или расы ... не будет пищи для злых чувств, и взаимное сотрудничество будет легко и просто осуществляться всеми» [19. — С. 151].

Хотя столь возвышенные устремления не были чужды и первым последователям Оуэна, все же идея совместного производства и потребления была воспринята ими более приземленно. В 1821 г. в Лондоне образовалось экономическое и кооперативное общество, первое из известных объединений оуэнистов, учрежденных не по инициативе Оуэна. Его создатели Джордж Мьюди и Генри Гетерингтон были связаны с издательским делом, а потому общество состояло в основном из типографских рабочих. Привлекательность оуэновской модели «поселка сотрудничества» бесспорно вдохновляла их. В отличие от Оуэна, в ту пору энергично искавшего богатых меценатов, готовых пожертвовать на создание образцовой общины, участники лондонского общества пришли к выводу,

что «все лица, имеющие работу, могут незамедлительно начать восхождение [к «системе кооперации». — К.А.], не прося протянуть руку помощи тех, кто стоит над ними» [20]. Однако община, соответствующая оуэновскому плану и требовавшая весьма значительных первоначальных инвестиций, была идеалом сколь желанным, столь и недостижимым. Если Оуэн надеялся, оперевшись на состоятельных покровителей, перепрыгнуть из «неразумного и безнравственного строя» в «Новый Нравственный мир», то его приверженцы из числа рабочих вынуждены были ступенька за ступенькой выстраивать лестницу, ведущую к заветной цели. «Вспомним, — писал Мьюди, — что рабочие классы создатели богатств. Давайте посмотрим, не можем ли мы... на законных основаниях и в пределах наших возможностей создать новое богатство для себя и так вести дела, чтобы даже в пору младенчества наших ассоциаций получать больше средств к существованию за те же самые деньги» [21]. Собственно, ответ был подсказан Оуэном, считавшим одним из достоинств своего плана экономию, получаемую от совместного ведения домашнего хозяйства. Именно за эту мысль и ухватились члены кооперативного общества. «Денежные выгоды, — говорилось в их уставе, — будут проистекать из двух источников — экономии на совместных расходах и нового богатства, создаваемого нами» [22]. Программа общества предусматривала совместный наем жилья, совместную закупку продуктов питания и приготовление пищи, совместное обучение детей и собственное производство части предметов первой необходимости. Община упоминалась как конечная, но пока еще далекая цель.

В ноябре 1821 г., арендовав дома в Спа-Филдс, несколько семейств участников общества переселилось в них. Деньги, необходимые для аренды, были накоплены способом, впослед-

ствии ставшим классическим принципом потребительской кооперации: оптовая закупка продуктов, продававшихся затем участникам по розничным ценам, давала доход, шедший в общий фонд. Кроме того, взимались и членские взносы, которые тоже откладывались в общую казну.

Лондонские оуэнисты, именовавшие себя «кооператорами», в соответствии с названием оуэновской системы, ощущали себя первопроходцами, пролагающими дорогу своим собратьям. «Пример, который мы подаем, — говорилось в резолюции их собрания, — скоро получит широкое признание; подобные общества будут процветать, несмотря на все беспорядки и бедствия, которые могут твориться вокруг. В недалеком будущем они помогут вывести страну из ее тяжелого положения. Где бы они не возникли, они будут содействовать сокращению и уничтожению налогов на бедных, а если общественность будет облегчать их быстрое распространение, они смогут устранить нависшую угрозу гражданской войны» [22].

В определенной мере эти предсказания сбылись, хотя и не полностью, и не сразу. Лондонское общество, как и несколько других подобных обществ, появившихся вскоре, просуществовало около года. Лишь в конце 1820-х гг. начинается бурный рост «кооперативных обществ», речь о которых пойдет чуть позже. Хотя история Лондонского общества была короткой, она знаменовала существенный поворот в истолковании «кооперации». Преднамеренно или неосознанно Мьюди и его сподвижники отошли от идеи социального, межклассового сотрудничества, игравшей важнейшую роль в оуэновской концепции кооперации. Оставаясь, как и Оуэн, противниками революционного насилия, и ратуя, как видно из вышеприведенного заявления, за гражданский мир, говоря о «кооперации», они все же подразумевали сотрудничество рабочих классов, которые могут из-

менить свое положение, несколько обособившись (как спафилдские семьи) или полностью отделившись (общины) от существующего общества. Таким образом, «практическая кооперация» (как чуть позднее стали именовать деятельность, подобную спафилдской ассоциации, отличая ее от кооперации «теоретической») предполагала возможность существования внутри капиталистической системы альтернативной системы общежития, или производственных отношений, которая может при благоприятных условиях полностью вытеснить первую или в крайнем случае сосуществовать с ней. Соответственно, представления о предназначении «практической кооперации» зависели целиком от суждений о негодности либо терпимости нынешнего строя. (Отсюда столь заметный разброс политических симпатий вождей последующего кооперативного движения.)

Хотя гордость спафилдцев, основавших первую в Англии городскую «коммуну», вполне понятна, все же их нельзя безоговорочно назвать первооткрывателями кооперативных объединений. Они существовали задолго до XIX в. в форме разнообразных по своим задачам обществ взаимопомощи: больничных, похоронных, ссудных касс, прочих совместных фондов. Если подобные товарищества были, как правило, связаны с объединениями ремесленников (капеллами, компаньонажами и т.д.), то в сельской местности чаще встречались хозяйственные объединения (совместное владение мельницей, маслобойней и т.п.) [23]. Совместный или артельный труд тоже не был особой редкостью как в Британии, так и других европейских странах (в конце XVIII в. в Англии его удельный вес заметно возрос в связи с интенсивным строительством каналов). Более того, по крайней мере в Британии, товарищества взаимопомощи были узаконены в самом начале XIX в. специальным парламентским актом (Friendly Societies Act, на осно-

вании которого регистрировались и «кооперативные» общества оуэнистов), а артельный труд санкционировался как традициями, так и статутами некоторых гильдий (например, каменщиков, углежогов). Несмотря на явное родство (пусть отдаленное) обществ взаимопомощи и трудовых артелей с оуэнистскими «кооперативными» объединениями, участники последних крайне редко и лишь мельком упоминали своих «сородичей». Несомненно, оуэнисты считали свои «кооперативы» институтами совершенно иного рода. В чем же, с их точки зрения, состояло коренное отличие?

Программы и уставы британских «кооперативных» обществ 1820–1830-х гг.¹, как не странно, уделяли больше внимания не финансовым или чисто «производственным» вопросам, а интеллектуальной и духовной деятельности объединений. Практически все уставы предусматривали создание библиотеки, проведение лекций, «социальных вечеров»² и тому подобных культурно-просветительских мероприятий. Во многих случаях членам общества предписывалось соблюдение «благопристойных манер», а сквернословие и прочие дурные привычки (к числу коих относились потребление спиртного, табака, в двух уставах и кофе) карались либо штрафом, либо запретом посещать общие собрания на некоторое время. Было бы неверно полагать, будто тяга к просвещению отличала лишь оуэнистов. Всевозможные образовательные ассоциации рабочих, нередко финансируемые благотворительными фондами или состоятельными меценатами (например,

Mechanics Institutions в Англии), получили невероятное распространение в Британии 1810–1820-х гг. С одной стороны, появление подобных институтов было связано с растущей потребностью промышленных предприятий в квалифицированных работниках. С другой стороны, в рабочей среде бытовало устойчивое убеждение в том, что именно необразованность, отсутствие надлежащего воспитания обрекают труженика на зависимость от высших, «просвещенных», классов.

Девиз одного из наиболее авторитетных оуэнистских изданий 1820-х гг. — журнала «Co-operator»: «Знание — сила» — отражал эти настроения. Тем не менее оуэнисты-«кооператоры» стремились не просто к образованию, но к иному, «просвещенному», образу жизни, который может установиться только с воцарением «строга сотрудничества», представления о коем развивались скорее в духе спафилдской интерпретации, нежели оуэновской.

Упомянутый журнал был, пожалуй, первым изданием наиболее последовательно и обстоятельно разбиравшим проблемы труда, как первоосновы любой социальной системы, в том числе и «кооперативной». «Co-operator», выходящий в 1828–1829 гг. представлял собой серию эссе, или лекций, автором которых (а также издателем журнала) был врач Уильям Кинг. Труд и положение тех, кто живет им, были главной темой «Кооператора». По словам Кинга, труд является «основой и краеугольным камнем здания, корнем дерева, неиссякаемым истоком могучей реки, сущностью бытия» [24 — Р. 1]. Испокон веков труд окружался почетом, «было время, когда законодатель, военачальник и монарх не считали зазорным идти за плугом, более того, величайшие из людей, когда-либо жившие в этом мире, освящали и возвеличивали труд... Лишь нынешнему цивилизованному и христианскому веку предоставлено было открыть, что труд позорен, а ра-

¹ В 1829 г. в Британии насчитывалось около 200 «кооперативных» обществ, в последующие два года их число возросло до 400–500.

² Что-то наподобие семейных вечеров, с чаепитием, совместным пением «социальных гимнов», концертной программой, которой порой предшествовала лекция на философско-социальные, но чаще естественнонаучные темы.

ботник не заслуживает платы за свой труд!» [24. — Р. 3].

Нелепость системы, при которой в самом бедственном положении оказываются те, кто своим трудом «производит весь хлеб, всю одежду и все дома земли» [25. — Р. 2], была очевидной не только для Кинга, но и всех, подобно ему, увлекшихся учением Оуэна. Надежд на межклассовое сотрудничество, в отличие от Оуэна, Кинг не питал. «Принципы капитала и труда, — писал он, — хозяина и слуги диаметрально противоположны. Вопрос между трудом и капиталом — это вопрос прибыли. Труд неминуемо должен покупаться как можно дешевле, а машины снижают цену на него до минимума» [26. — Р. 4].

Широко распространенное в оуэнистской литературе представление о труде как товаре, продажа которого — единственный источник существования рабочего, равно как и «трудовая теория стоимости» являлись исходными посылками кооперативной программы Кинга. «Бедствия рабочих, — заключал он, — неизбежное следствие того, что они работают на других, а не на себя» [27. — Р. 3]. Разумеется, они делают это не по доброй воле. Трудом, как и всем прочим, распоряжается капитал. «Капитал есть власть, кто имеет капитал, имеет власть» [26. — Р. 4], но собственность — это именно то, чего лишены рабочие. Как и другие оуэнисты, Кинг убежденный противник революций и насилия вообще. Отбирать собственность, пусть даже несправедливо нажитую, значит усугублять зло. «Собственность священна, — поучал Кинг, — и любое покушение на нее есть величайшее попрание всех законов человеческих и божеских» [28. — Р. 3]. Но кроме нравственных резонансов против силы, есть еще и политэкономические. Если труд — источник всех богатств, а трудящиеся — единственные люди, владеющие трудом, то они могут создать себе новые богатства, не требуя и части тех, что были добыты прежде.

Им достаточно лишь объединить свой труд. Конечно, это потребует времени и усилий. Начать следует с совместной торговли. «Рабочие классы имеют самые веские основания открывать собственные магазины. Сумма, которую рабочие расходуют в течение года, огромна. Она достигает многих миллионов» [29. — Р. 4]. Покупая оптом и продавая в розницу, можно получить прибыль. Затем часть прибыли можно использовать для развития собственного производства, в котором рабочие будут одновременно и владельцами, и работниками. Разговоры о том, что без хозяина не обойтись, Кинг считал досужими. Управление производством, по его мнению, не требует особых талантов.

Задача гораздо более важная, но не столь уж и сложная — добиться сотрудничества между рабочими классами. «До тех пор, пока рабочие разъединены, — подчеркивал Кинг, — и действуют поодиночке, они будут катиться вниз. Они будут становиться все беднее и беднее, в то время как все остальные — богатеть. Но если трудящиеся начнут создавать свои [кооперативные] союзы, роли поменяются. Рабочие, получая весь продукт своего труда, будут становиться все богаче и богаче, чтобы ни случилось с нетрудящимися классами» [30. — Р. 3–4].

Кооперация, таким образом, есть дело исключительно рабочих классов, поскольку она подразумевает прежде всего объединение труда [31. — Р. 4]. Она не может воцариться в одиночестве (как уверял Оуэн). «Установление кооперации, — писал Кинг, — не есть немедленное и всеобщее принятие нового порядка вещей, чуждое идеям и привычкам рода человеческого, законом бытия коего служит обычай, но неторопливое и постепенное учреждение небольших обществ наиболее просвещенных рабочих ... объединивших свой труд ради общего блага» [32. — Р. 3].

Хотя Кинг, подобно Мьюди, конечной целью объединения считал «кооперативное поселение» [co-operative colony], он не вдавался в детали, как это делал Оуэн. Кинг откровенный противник равенства, коему так привержен Оуэн. «Если бы человечество оставалось равным, — считал Кинг, — оно навеки осталось бы невежественным и варварским. Хваленое равенство было бы равенством деградации» [33. — Р. 2]. Неравенство людей предопределено неравенством их умственных, физических способностей. Однако имущественное неравенство может принимать чрезмерные, уродливые формы. В существующей системе «наблюдается тенденция к скоплению власти, богатства и даже наук и знания в руках немногих, в то время как человечество в целом слабо, бедно, невежественно, одним словом пребывает в варварском состоянии» [33. — Р. 1]. «Индивидуальная система» [individual system] негодна, но, к счастью, рабочие могут отгородиться от нее системой кооперации.

Таким образом, совместный труд, «овеществленный» в производственных товариществах рабочих, представлял не только средством избавления от бедности, безработицы и прочих неприглядных сторон капиталистической системы, но и ее альтернативой, установление которой не нуждается в революционных мерах. Хотя у Кинга речь шла о «кооперативных» вкраплениях в существующий строй, он тем не менее полагал, что на этих островках «сотрудничества» будет господствовать совершенно иной дух, здравые нравственные и религиозные принципы, полезное знание, доброжелательность по отношению друг к другу.

Даже беглый обзор истории зарождения кооперации свидетельствует, что идеология кооперативизма уходит корнями в разнородные истоки: идею социализма, рабочую самопомощь, опыт артельных объединений, что неизбежно приводило к расхождению оценок сущности и задач кооперации.

Литература

1. Booth A. Robert Owen, the Founder of Socialism in England. — Ld., 1869.
2. Holyoake G.J. Growth of Co-operation in England. — Manchester, 1887.
3. Assailly Ch. d' Le pauperisme et les associations ouvriers en Europe. — Paris, 1869.
4. Фромметт Б. Социализм и кооперация на Западе. — Пг., 1918.
5. Томмианц В.Ф. Двадцать апостолов кооперации. — М., 1913.
6. Зассен И. Развитие кооперативной мысли в век капитализма. — Киев, 1919.
7. Кильчевский В. Р. Оуэн и основы потребительской кооперации. — М., 1917.
8. Корнев Д. Кооперация. — Тифлис, 1925.
9. Кооперация. Страницы истории. — Вып.1–4. — М., 1993, 1994. (Отв. ред. Н.К. Фигуровская. Издание осуществляется Институтом экономики РАН).
10. Андерсон К.М. Оуэнисты в Британии. — М., 1989.
11. Джонс Э. Статьи и письма о чартистской программе. — М., 1970.
12. Holyoake G.J. History of Co-operation in England. — Vol. 1–2. — Ld.; Manchester, 1875–1877.
13. Jones L. The Life, Times and Labours of Robert Owen. — Vol. 1–2. — Ld., 1889–1890.
14. Holyoake G.J. Life and last Days of R. Owen. — Ld., 1850.
15. Mercer W.T. Dr. William King and the Co-operator. — Manchester, 1922.
16. Мюллер Г. У. Кинг и его место в истории кооперации. — М., 1919.
17. Оуэн Р. Дальнейшее развитие плана... // Оуэн Р. Избранные сочинения. — Т. 1–2. — М., 1950; т. 1.
18. Оуэн Р. Доклад графству Лэнарк // Оуэн Р. Избр. соч. — Т. 1.
19. Оуэн Р. Описание ряда заблуждений и бед // Оуэн Р. Избр. соч. — Т. 1.
20. Economist. Prospectus, 1821.
21. Economist. 3 March 1821.

22. Economist. 27 January 1821.

23. См.: *Gosden R.* Friendly Societies in England. — Publisher: University of Manchester. England, 1961.

24. Co-operator. № 8.

25. Co-operator. № 3.

26. Co-operator. № 17.

27. Co-operator. № 2.

28. Co-operator. № 9.

29. Co-operator. № 14.

30. Co-operator. № 5.

31. Co-operator. № 23.

32. Co-operator. № 18.

33. Co-operator. № 19.